

**ФИЛОСОФСКО-ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ КАЛЕНДАРНОЙ ИКОНЫ
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТА И КУЛЬТУРЫ
ХРИСТИАНСКИХ НАРОДОВ**

Результаты исследования. Человечество давно стало учитывать время, т. е. измерять «отрезки времени» между двумя событиями. Поначалу учет времени велся достаточно приблизительно, затем всё точнее и точнее. Высокий уровень развития культуры порождает научное и практическое разнообразие человеческой деятельности, и в связи с этим еще большее значение приобретает точное измерение времени. Особое значение времени придает наука. Ученые называют время «независимой переменной величиной», т. е. такой величиной, с изменением которой изменяются все прочие переменные величины вселенной. И это поистине «независимая величина»; она течет вечно, и безостановочно, и равномерно.

Безусловно, понятие «Время» является основополагающим для любой науки, а в особенности для истории. Время позволяет структурировать, систематизировать и анализировать исторические факты, т. е. является фундаментом истории как науки. Ощущение времени — это основа миропонимания для человека любой эпохи. Однако наука и сегодня не может дать однозначного определения понятию «время». Этому вопросу посвящено большое количество исследований, обзор которых не входит в задачи данной статьи.

Система иконописных художественных средств складывалась на протяжении столетий, создавая каноны на основе традиций. Анализ научной литературы, связанной с изучением этой проблемы, позволяет предположить, что первые обоснования понимания времени как философской субстанции возникли практически одновременно с первыми календарными иконами.

Представления человечества о времени слагались постепенно; известно, что первобытный человек каменного века проявлял интерес к объектам небесной сферы, — солнцу, луне и звездам, которые легко увидеть невооруженным глазом. И это естественно, так как выжить в природных условиях человек мог, только хорошо ориентируясь, причем не только в пространстве, но и во времени.

Поэтому можно предположить, что еще в эпохи неолита и палеолита вопрос понимания и ощущения времени волновал охотников и собирателей.

Обычно исследователи, изучающие проблему появления календаря, пытаются определить цепочку его заимствований. Известно, что Греция позаимствовала календарь у Египта, Египет — Ассирио-Вавилонского царства, а ассирийцы, в свою очередь, в Древнем Шумере... В результате возникло единодушно-спорное и достаточно размытое суждение о том, что первые календари сформировались на Востоке, в областях Двуречья. Многие исследователи полагают, что календарная система оказалась в Древней Руси благодаря Византии, поскольку не поддается сомнению тот факт, что знания о времяисчислении Русь получила вместе с принятием христианства¹.

Древняя Русь, приняв христианство в его византийском варианте, восприняла и те церковно-хронологические традиции, которыми уже пользовался весь христианский мир, в том числе православный. Исторические корни возникновения Додекаортонов, Менологий и Лицевых святцев следует искать в Византии XI–XII вв. Они представляли собой циклы миниатюр, иллюстрировавших сборники Житий святых, и были известны со второй половины X в. в Константинополе.

О календарных иконах на сегодняшний день нет специальных исследований, определяющих историю их возникновения и проникновения в русскую иконопись; не описаны особенности и критерии их иконографических систем; функции, которые они выполняли; и, главное, их взаимосвязи с православным календарем.

Влияние православной церкви на жизнь древнерусского общества было чрезвычайно велико. Оно распространялось и на времяисчислительные знания. Неоднократно предпринимались попытки, зачастую небезуспешные, реконструировать древние системы времяисчисления. Но целью этих исследований в основном было уточнение датировок исторических событий.

Месяцесловы являются одной из составных частей таких богослужебных книг, как Евангелия, Апостолы, Уставы, Обиходы и др. Святцами принято называть перечень неподвижных церковных праздников или памятей святых христианской церкви и служб, полагающихся для данного праздника или святого, расписанных на все дни года. Как правило, церковный календарь располагается в начале или в конце богослужебной книги. Кроме того, существует обширная группа источников, полностью организованных по календарному принципу: в них праздники и памяти святым относительно равномерно распределены

---

¹ Ср.: Цыб С. В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». — Барнаул, 1995. — С. 57.

по всему тексту. К таким книгам относятся: служебные Минеи, Прологи, Кондакари и др. С XI в. известен новый тип иконы с изображениями Праздников и святых в соответствии с церковным календарем. В это же время в русские Лицевые Святцы и Месяцесловы стали добавлять упоминания о событиях, связанных уже с русской историей. Постепенно число таких событий увеличивалось, и вскоре они заняли особые места в этих месяцесловах.

Нынче, в связи с возрождением интереса к духовной культуре, крайне важно и интересно изучение не только календарной иконы как памятника духовной и художественной культуры, но и сопоставление их систем с письменными источниками, в том числе с служебными Минеями, а также с аналогичными славянско-византийскими иконописными памятниками.

Общеизвестно, что древнерусская живопись находилась в тесной связи с литературой. Поэтому изучение этой параллели может содействовать не только созданию своеобразных миграционных карт памятников и книг византино-славянского мира, но и процессу обозначения отдельных Миней и Лицевых святцев в качестве возможных протографов. Об этом писал Д. С. Лихачев: «Иллюстрации и житийные иконы (особенно с надписями в клеймах) могут указывать на существование тех или иных редакций и служить для установления их датировок и обнаружения не дошедших в рукописях текстов. Лицевые рукописи и клейма икон могут помочь в изучении древнерусского читателя, понимания им текста, особенно переводных произведений. Миниатюрист как читатель иллюстрируемого им текста — эта тема исследования обещает многое. Она поможет нам понять древнерусского читателя, степень его осведомленности, точность проникновения в текст, тип историчности восприятия и многое другое. Это особенно важно, если учесть отсутствие в Древней Руси критики и литературоведения»¹. «Сближения между искусствами, — пишет Дмитрий Сергеевич, — и изучение их расхождений между собой позволяют вскрыть такие закономерности и такие факты, которые оставались бы для нас скрытыми, если бы мы изучали каждое искусство изолированно друг от друга»². В процессе изучения связей между литературой и живописью интереснейшим материалом являются календарные иконы.

К сожалению, большая часть древних икон неоднократно подновлялась и подвергалась реставрационным исправлениям, что затрудняет исследование

---

¹ Лихачев Д. С. Доклад на совещании по древнерусской литературе в Ленинграде 26 апреля 1955 г. // Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР / Отв. ред. И. П. Еремин. — М.; Л., 1956. — Т. 12. — С. 107.

² Лихачев Д. С., Лихачева В. Д. Художественное наследие Древней Руси и современность. — Л., 1971. — С. 7.

этих памятников. Однако стиль и иконографические признаки остаются одним из наиболее верных показателей периода их создания.

Календарные иконы, менологии, лицевые святцы — это многофигурные композиции, элементы которых расположены рядами по горизонтали либо разбиты на отдельные клейма; они представляют собой произведения одновременно двух видов живописи — станковой и миниатюрной. Монументальность форм и основательность образов каждой минеи позволяет рассматривать её как произведение станкового искусства; в то же время мелкие, но детально и тщательно прорисованные изображения каждого клейма и каждой фигуры в ряду напоминают технику миниатюры. Клейма минейных икон иллюстрируют житийные сюжеты святых мучеников, Господских и Богородичных праздников, праздников в память о земной жизни Иисуса Христа и Богородицы, а также некоторых наиболее важных событиях церковной истории, — так наз. двенадцатых праздников. Но при этом они в гораздо большей степени сохраняют свою независимость от содержания текстов, нежели, например, миниатюры лицевых рукописей.

Календарные иконы представляют большой интерес и как исторический источник. В них, как правило, отражаются все наиболее значимые исторические события страны. Об основании городов и освящении церквей, а также о пожарах, стихийных бедствиях, нашествиях врагов и военных победах такие памятники рассказывают порой более подробно, чем летописи или другие рукописные источники. И правила иллюстрирования исторических событий в календарной иконе в чем-то сходны, а чем-то отличаются от подобных правил в лицевых рукописях. Поэтому рассмотрение календарной иконы, связь которой с текстами Четвѣй Миней достаточно сильна, крайне интересна в плане осмысления законов построения иконы вообще.

Особый интерес представляют минеи, авторы которых не пользовались готовыми живописными образцами, самостоятельно создавая собственную систему клейм. Таким образом на Руси работали авторы многих минейных циклов икон, вводя новые образы общерусских святых, появившихся на рубеже XV–XVI вв., а также некоторых святых, особо почитаемых в тех или иных регионах. Таковыми, по-видимому, оказались лицевые святцы из Екатерининского собора в Кингисеппе. В центре не только августовской минеи, но и большинства других аналогичных композиций располагается клеймо «Преображение Господне». Также необычна система клейм лицевых святцев из Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге. Анализ этой системы позволяет, во-первых, датировать их рубежом XVII–XVIII вв., а во-вторых, допускает предположение о миграции миней по нескольким (скорее всего, деревянным) храмам. Можно предположить, что некоторые клейма были переписаны позднее. Но однозначно подтвердить это может только технико-технологическая экспертиза, которая, к сожалению, до сих пор не проведена.

Современный процесс изучения лицевых святцев и минейных икон в их связи с литературной основой побуждает перейти от рассмотрения отдельных памятников к анализу общих закономерностей. Древнерусские лицевые рукописи включали в себя не только праздники Православного Востока, в том числе и русского происхождения, но и те, что были известны только в Западной Христианской Церкви и не отмечены Византией, т. е. оставшиеся неизвестными греческой агиографии. Таким образом, изменение календарного состава имен святых, событий и праздников могут, как уже было сказано, также являться своеобразным ориентиром в определении времени и места создания того или иного цикла икон. В иерархию святости включены святители, исповедники, пророки, преподобные и другие чины; также в жизни церкви всегда пользовались особым почитанием святые мученики и подвижники. Первые записи об их жизни и деяниях появились еще в первые дни существования христианской церкви. Начало этим повествованиям было положено святым евангелистом Лукой, описавшим в Книге Деяний апостолов подвиги и страдания как первых учеников Иисуса Христа, так и других его последователей. Кроме того, апостол Павел в одном из своих посланий дал христианам заповедь поминать своих наставников, отдавших за веру свою жизнь.

В утверждении и распространении христианства мученичество имело весьма важное значение. Твердость и непоколебимость страдальцев, мужественно шедших на смерть за веру, сильно действовали на сердца язычников, и нередко сами мучители, видя безропотность своих жертв, обращались в христианство. Таким образом, «кровь мучеников была семенем новых христиан». Точно записывая дни кончины святых мучеников, христиане собирались в эти дни для того, чтобы почтить их память. С этой целью в христианской церкви были особые писцы, которые записывали все, что происходило с христианами в темницах и судилищах. Эти записки известны под названием «Мученические акты», среди которых нередко встречались целые судебные дела. Описания страданий святых мучеников пользовались большим уважением и были чтимы в церковных собраниях не менее, нежели Священное Писание. Обычай этот существовал уже во II в., а в 418 г. Карфагенский собор утвердил в качестве правила читать в дни поминовения мучеников об их страданиях в церквях.

Когда гонения на христиан прекратились, и христианская церковь заняла в государстве господствующее положение, было решено собрать воедино все записи и повествования о биографиях мучеников, — житий. Первыми собирателями этого материала были Евсей, епископ Кесарийский, и Маруфа, епископ Месопотамский. Вполне естественно, что книги Евсея и других «первых собирателей» дополнялись последующими поколениями составителей житий, отчего претерпели сильные изменения.

Календарная икона была введена в обиход в Византии, в XI–XII вв. Наиболее ранними считаются Менологии императора Василия II (около 986 г.), ныне хранящиеся в одной из римских библиотек. В этом памятнике присутствуют не только клейма с изображением святых, но и изображения их праведной кончины. В дальнейшем, уже в греческих лицевых рукописях, этот тип изображения станет правилом. Иконы, представляющие собой горизонтальные ряды маленьких фигурок святых мучеников, часто с упрощенной композицией, известны с XI в. Таковыми являются иконы Синайского монастыря св. Екатерины, выполненные константинопольскими и монастырскими иконописцами. Ныне известны следующие минейные циклы. Один Синайский комплект состоит из двенадцати двусторонних досок 25×17 см, с овальным навершием; каждая икона символизирует другой месяц. С одной стороны в семь ярусов изображены святые, поминаемые в этот месяц, а с другой стороны, с той же целью, — соответствующие евангельские события. Другой комплект состоит из четырех значительно больших по размеру икон (55×45 см). Здесь сюжетное разделение произведено согласно сезонам. Каждая икона объединяет осенние, зимние, весенние и летние праздники. Третий, более поздний по времени исполнения, комплект представляет собой двенадцать монументальных (97×67 см) месячных икон с изображениями святых и праздников, расположенными в шесть ярусов. Также представляет большой научный интерес маленькая календарная икона-диптих (36×24 см), отличающаяся по своему составу: здесь на пластины нанесены изображения Христа Вседержителя, Богородицы и Праздников в медальонах.

В монастыре Спаса Преображения в Метеорах (Фессалия) частично сохранились иконы-менологии, скорее всего, греческого письма. Их всего одиннадцать, и они невелики по размерам (39×30 см). Здесь на золотом фоне изображены мелкие, свободно стоящие, изящные, немного вытянутые фигурки святых, расположенные чаще всего по три персоны в три ряда. Рисунок и композиция ясно свидетельствуют о свободном владении мастера формой, а также о прекрасно развитом пространственном мышлении, особенно важном в процессе изображения объемов без натуры.

Позже менологии распространились в стенописях средневековых Балкан. Бесценные труды¹ историка-слависта И. Дуйчева касаются не только истории и политики средневековой Болгарии, но и ее культуры, религиозной жизни,

---

¹ Дуйчев И. Из старата българска книжнина. — София, 1944; Дуйчев И. Българско средновековие. — София, 1972; Дуйчев И. Про учвания върху средновековната българска история и култура. — София, 1981; Дуйчев И. Пътеки от утрото: Очерци за средновековната българска култура. — София, 1985; Дуйчев И. Рилският светец и неговатаобител. София, 1990, и др.

а также ее святых. В его многочисленных работах о Рильском монастыре, кроме глубокого внимания к источникам, строгого следования историческим фактам и постоянного поиска истины, чувствуется личностное отношение к покровителю болгарского народа, св. Иоанну Рильскому. Источниковедческая база его исследований является фундаментом для современных исследователей искусства средневековой Болгарии в целом и формирования ее монастырской культуры в частности. Автор подробно описывает и анализирует жития и иконографию св. Кирилла и Мефодия, св. Климента Охридского, св. преп. Наума Охридского, св. преп. Иоанна Рильского, св. преп. Петки Болгарской, св. преп. Гавриила Лесновского, св. преп. Прохора Пчинского, св. преп. Иоакима Осоговского, св. Иллариона, епископа Мыгленского, св. Иоакима I, патриарха Тырновского, св. преп. Феодосия Тырновского, св. Евфимия, патриарха Тырновского, св. преп. Романа Тырновского и других. Сила и красота церковной культуры Болгарии в целом и ее иконографических традиций, сформировавшихся на протяжении IX–XIV вв. в частности, столь велика, что даже разрушение храмов и монастырей в годы османского ига не привело к их полному исчезновению: как правило, впоследствии они возрождались монахами и мирянами. Более того, именно в условиях турецкого рабства, несмотря на систематические угрозы, грабежи и поджоги обитателей, возрождались уникальные монастырские комплексы, в которых, к счастью, сохранилось значительное количество фресок с календарной системой сюжетов праздников и дней поминовения мучеников.

В деревянных церквях Древней Руси такие иконы часто заменяли иконостас, или же были первыми иконами, вносимыми в храм прежде других образов, чтобы каждый входящий мог найти на них своего святого или тот праздник, который отмечается в данный день.

Некоторые православные праздники восходят ко временам Ветхого Завета; к ним примыкают празднования новозаветного времени. Каждый из них посвящен напоминанию о важнейших событиях в жизни Иисуса Христа и Божьей Матери, а также памяти святых угодников, поэтому в своих службах Церковь прославляет тех, кому посвящен тот или иной день года. Среди сохранившихся образцов календарных икон нет одинаковых экземпляров, и даже сходство отдельных фрагментов в них обнаруживается крайне редко, т. к. каждый памятник дает свое неповторимое сочетание изображений праздников и дней памяти святых, чьи индивидуальные характеристики весьма разнообразны. Здесь можно предположить зависимость трактовки изображений и от авторского замысла, и от пожеланий заказчика. На Руси Лицевые Святцы имелись практически во всех соборных храмах.

Но Святцы, указывающие святых на каждый день года, не имели широкого распространения. Чаще можно было встретить иконы избранного состава, включающие наиболее значимые церковные торжества.

По своей сути православный церковный календарь-пасхалия состоит из двух частей — неподвижной и подвижной. Неподвижная часть церковного календаря — это юлианский календарь, расходящийся с григорианским на 13 дней. Эти праздники приходятся ежегодно на одно и то же число одного и того же месяца. Подвижная часть церковного календаря перемещается вместе с изменяющейся год от года датой празднования Пасхи. Сама дата празднования Пасхи определяется согласно лунному календарю, а также ряду дополнительных догматических факторов: не праздновать Пасху с иудеями; праздновать Пасху только после весеннего равноденствия; праздновать Пасху только после первого весеннего полнолуния. Все «подвижные» праздники отсчитываются от Пасхи и перемещаются в пространстве «светского» календаря вместе с ней. Таким образом, обе части календаря-пасхалии (подвижная и неподвижная) в совокупности определяют календарь православных праздников.

Вплоть до новейшей истории существовали две системы летосчисления: на базе григорианского календаря и на основе действовавшего параллельно календаря юлианского.

В настоящее время в нашей стране летосчисление ведется по григорианскому календарю (новый стиль), который был введен папой Григорием XIII в 1582 г. и заменил юлианский календарь (старый стиль), который применялся с 45 г. до н. э. Григорианский календарь более точен, поэтому в нем меньше високосных годов, вводимых для устранения расхождения календаря со счетом тропических лет. В России григорианский календарь был введен с 14 февраля 1918 г. Различие между старым и новым стилями составляет в XVIII в. 11 суток, в XIX в. 12 суток, в XX в. 13 суток, а в XXI в. 14 суток.

Универсальные понятия времени и пространства образуют в каждой культуре определенную «модель мира». В книге «Категории средневековой культуры»¹ А. Я. Гуревич упоминает ту «сетку координат», при помощи которой люди воспринимают действительность и выстраивают образ мира. В контексте поиска духовных истоков русской культуры, её духовного возрождения актуальным становится изучение традиционного православного взгляда на время, а также исследование той традиции, которая сложилась, развивалась и была богословски осмыслена. Духовный аспект времени может в образной, религиозной форме раскрыть то, что не поддается анализу и, возможно, не столь убедительно с научной точки зрения, но глубоко проникает в тайну времени и человеческое сердце.

Тема природы существующей в России двукалендарности, — старого и нового стиля, — и осмысление того, почему юлианский календарь столь важен

¹ Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. — М., 1972.

в жизни православной церкви, является важной составляющей при изучении календарной иконы как христианского традиционного представления о сакральной сущности времени.

Календарную икону наверняка нужно рассматривать как праздник Сретенья Господня — как встречу линейного («внешнего») и сакрального («внутреннего»), связанного с духовной сферой) времени, времени и вечности, жизни и смерти, как встречу двух культур, светской и религиозной; встречу человека с Богом. Линейное время определяется длительностью объективного времени и последовательной направленностью течения видимой жизни. Тогда как сакральное, духовное время изучает «невидимую» жизнь человеческой души и внутреннее содержание явлений мира. Однако линейное и сакральное время не только противопоставляются; они могут и сочетаться, и проникать друг в друга, как в тех или иных отрезках мировой истории, так и на поверхности доски отдельно взятой минеи.

Научно-методологической основой данной работы явилась христианская богословская и иконографическая традиции, русская религиозная философия, а также работы ученых, обращавшихся к проблеме времени в русской культуре. Материалом исследования является богатое наследие церковного искусства: молитвы, относящиеся к суточному, недельному и годовому кругу богослужений; богословская литература, посвященная христианским праздникам и различным аспектам времени и вечности. Тексты Священного Писания и толкования святых отцов Церкви, а также современных богословов в качестве первоисточников при изучении сакрального времени позволили установить, что разработанной, системной концепции времени в христианской культуре нет. Однако в этих книгах указаны пути духовного возрастания, ориентирующие читателя во времени и пространстве, в том числе путем разъяснения понятия «времени-вечности». Согласно христианскому учению, время сотворено Богом и постоянно присутствует в душе человека. Мир в человеческой душе был утрачен вследствие первородного греха Адама. И только когда на землю пришел Сын Божий — Иисус Христос, обновленное и преображенное время вновь открылось человеку. И с этого момента время получило способность соединяться с вечностью через покаяние человека и восстанавливать в нем образ Божий. Поэтому для сакрального времени определяющими становятся понятия сотериологического, эсхатологического времени, времени искупления, очищения, ожидания и приготовления к благодатной вечности. Сакральное же время связано в христианстве с процессом самопознания человека перед лицом Божиим.

Проблематика сакрального времени в русской культуре затрагивает самые важные начала человеческого мировоззрения: жизни и смерти как слияния с вечностью. В календаре наиболее ярко представлена сакральность человеческого

бытия во времени, в русле которого оно протекает. Календарь можно рассматривать как форму представления о времени в определенном типе культуры.

Просветление ума и преображение сердца, — вот то, что стремится показать русская икона. Ведь преображение сердца и есть восстановление в человеке образа Божия. Преображая свое сердце, человек прикасается к вечности, а это и есть переживание безгрешного и беспристрастного сердца. Идея Преображения в христианстве открывает новые горизонты и в восприятии богослужебных текстов. Возможно, такое философско-искусствоведческое прочтение лицевых святцев из Екатерининского собора в Кингисеппе позволит понять, отчего иконописец замыслил именно такую систему изображения церковных календарных событий.

1. Библия 1499 года и Библия в Синодальном переводе: В 10 т. — М., 1998.
2. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами. — М., 1994.
3. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа, в русском переводе. — СПб., 1892.
4. Псалтырь. — М., 1973.
5. Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943 гг.: Сб.: В 2 ч. / Сост. М.Е. Губонин. — М., 1994.
6. *Антоний, митрополит Суражский*. Беседы о вере и Церкви. — М., 1991.
7. *Антоний, митрополит Суражский*. Воскресные проповеди. — М., 1996.
8. *Антоний, митрополит Суражский*. Дом Божий: Три беседы о церкви. — М., 1998.
9. *Аврелий Августин*. Исповедь / Пер. с лат. А.А. Столярова. — М., 1992.
10. *Аврелий Августин*. Творения: В 4 т. — СПб. — К., 1998.
11. *Боголепов А. А.* Рождество, Страстная и пасха в Православном богослужении. — Нью-Йорк, 1973.
12. *Брянчанинов Игнатий, святитель*. Странник. — М. — СПб., 1998.
13. *Владимир (Сабодан), митрополит*. Экклезиология в отечественном богословии: Магистерская дисс. — К., 1997.
14. *Ильин В. Н.* Шесть дней творения. — Париж, 1991.
15. *Митрофан, монах*. Как живут наши умершие и как будем жить и мы по смерти (по учению Православной Церкви, по предчувствию общечеловеческого духа и выводам науки). — СПб., 1897.
16. *Михаил, свящ.* Православный взгляд на творчество. — М., 1997.
17. Православие и искусство (опыт библиографического исследования). — М., 1994.
18. *Рубан Ю.* Сретение Господне. — СПб., 1994.
19. *Рубан Ю.* Пространство и время искусства. — Л., 1988.
20. Руководство к пониманию Православного Богослужения / Сост. прот. П. Лебедев. — М., 1998.

21. Толстая С. М. Аксиология времени в славянской народной культуре // История и культура. — М., 1991. — С. 62–66.

22. Толстая С. М. К соотношению христианского и народного календаря у славян: счет и оценка дней недели // Языки культуры и проблемы переводимости. — М., 1987. — С. 154–168.

23. Толстой Н. И. Культура и дух церковно-славянского слова // Русская словесность. — 1993. — № 2. — С. 28–31.

24. Четвериков С., *зфот.* Евхаристия — средоточие христианской жизни // Вечное: Православный сборник духовного чтения. — Париж, 1983. — № 342.

25. Александр (Шмеман), *прот.* Введение в литургическое богословие. — М., 1996.

Аннотация. Календарные иконы тесно связаны с литературными источниками и отражают все важнейшие исторические события. Принятый в Древней России календарь иконы был дополнен новыми событиями русской истории. Сохранившиеся образцы этих памятников не идентичны друг другу, и даже сходство отдельных фрагментов встречается редко. Их атрибуция может быть ориентиром в уточнении датировки времени и места создания некоторых икон. Создание визуального календаря можно считать разновидностью новой, оригинальной формы культурной информации.

Ключевые слова: календарь иконы, исторические события, Русская культура, Древняя Русь.

Summary. The origins of calendar icons go back to Byzantium XI–XII centuries. These icons are closely related to the written sources and reflect all the most important historical events. Adopted by Ancient Russia, calendar icons were supplemented by new events from Russian history. There are no identical calendar icons among the surviving, and even the similarity of the individual fragments is found very rarely. Changes in the composition of the icons may be a guide in determining the time and place of creation of a certain series of icons. Finally the calendar can be considered as a form of time conception in a particular type of culture.

Keywords: calendar icons, historical events, Russian culture, Ancient Russia.